

В.В. ВЕЙДЛЕ О КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ РОССИИ И ЕВРОПЫ

И.Н. СИЗЕМСКАЯ

Сегодняшнее обращение к творческому наследию В.В. Вейдле, известного культуролога, историка и литературоведа, которого Г. Струве назвал самым ценным приобретением зарубежной русской критики, имеет, можно сказать, знаковый характер, ведь предмет его исследовательского интереса — исторически сложившаяся культурная близость России и Европы. По времени его творчество связано с той страницей истории взаимоотношений России с западноевропейским миром, которая была обозначена разрывами, поставившими под угрозу целостность общего социокультурного пространства со всеми вытекающими из этого факта пагубными последствиями как для Европы, так и для России (не так ли выглядит ситуация и сегодня?) Предмет всех культурологических изысканий Вейдле — культурная общность Европы и России. «Европа — многонациональное единство, неполное без России, Россия — европейская нация, неспособная вне Европы достигнуть полноты национального бытия»¹, — был уверен Вейдле. Первой вехой на пути к этому единению, которой Вейдле придавал особое значение, фиксируя одновременно неоднозначный характер ее влияния на последующее развитие отношений между Европой и Россией, стало принятие Россией христианства. С одной стороны, усвоив антично-византийские основы европейской культуры через восточное христианство, страна вошла в европейское культурное пространство на правах «части и целого». Это определило ее судьбу — быть не Востоком, а Европой. «Древняя Русь, уже в силу византийского воспитания своего, была Европой, т.е. обладала основными предпосылками европейского культурного развития»², — подчеркивал Вейдле. С другой стороны, унаследованные от Византии греко-античные традиции отличали русскую духовность от европейского культурного мира, воспринявшего античные традиции через Рим. Это давало России известный простор для развития под знаком православия собственных творческих сил, для обретения национальной самодостаточности. Одновременно это рождало ощущение отчуждения от Европы по образу и по правовым нормам общественной жизни, по духовным ценностям, — отчуждение, которому сама Европа, к сожалению, не противилась. *К сожалению*, потому, что оно грозило не только России, но и ей, Европе, замкнутостью в своем «**половинчатом**» бытии. Теряя себя в России, Европа теряла целостность своего культурного мира, а значит — теряла себя. Вейдле предупреждал: «Если запад и восток Европы хотят считать себя совершенно различными культурами, им нужно окончательно отделить Грецию от

Рима вопреки их подлинной судьбе, одним взять Виргилия, другим — Гомера, одним присвоить себе философов, другим — юристов и затем точно так же разделить христианство на две отдельные религии, т.е. раздвоить Христа, а на все это не согласится ни гуманист, ни просто историк и меньше всего может согласиться христианин³.

Следующей после принятия христианства вехой в культурном сближении Европы и России стали реформы Петра. Это время вызывало особый интерес у Вейдле. Почему? Сам он ответил на это так: жестко меняя жизненный уклад страны, многое в ней покалечив, Петр во имя сближения с Западом, как не слишком заботливый хирург, ничего не спасший больному, кроме жизни, преуспел, в главном — он создал «плацдарм» для бурного развития философской и научной мысли, для литературы, поэзии и изобразительного искусства. Главный результат исторических реформ Петра — появление культуры русского дворянства, *сравненной* европейской, органично соединившей в себе «западность» и «русскость». В наибольшей степени это можно сказать о Пушкине, по оценке Вейдле, самом русском и одновременно самом европейском поэте. Именно он своей поэзией и прозой, как никто другой, «Европу России вернул, Россию в Европе утвердил»⁴. Пушкинский гений не только дал России себя, но и открыл русским Данте, Шекспира, Гёте, а *потому* (именно поэтому!) позже дал и Гоголя, и Толстого, и Достоевского. Дворянская культура, достойным сыном которой был Пушкин, несла в себе *отзывчивость* новому и *открытость* чужому, способность увидеть по-своему то, что уже было видно другими, принять в себя то, что ранее не виделось вообще. В этом смысле в творчестве Пушкина больше, чем во всех последующих переворотах и революциях, *свершилась судьба России*. Весь XIX век отечественного духовного развития стал свидетельством того, как русская культура, соединившись с Западной, возвращалась к себе. Достоевский, Толстой, Вл. Соловьёв — глубоко русские люди, но в той же мере и люди Европы. Без Европы их не было бы, но, не будь их, и Европа в XIX в. была бы не тем, чем она была. Все, что было создано в России после Пушкина, принадлежит европейскому XIX в. — таков вывод Вейдле. И дело не «в российской переимчивости и не в западном засилье» — дело в том, что на Западе и в России XIX век един.

Из дворянской культуры как ее завершение (а может, как апофеоз) появился на грани веков ее Серебряный век, который жил по сути ее наследием, а сияние которого было ее отражением, несмотря на всю его внутреннюю и внешнюю новизну. Множество связанных с ним течений, школ, направлений стало развиваться под знаком *Нового религиозного сознания* — философеми, введенной Д. Мережковским, но уходящей своими истоками к И.В. Киреевскому и А.С. Хомякову и утверждавшей, что истина открывается человеку как «религиозно живущей личности». С ней интеллектуальная элита и деятели

культуры начала XX в. связали новую парадигму осмысления роли Ratio и Логоса в человеческом освоении мира. В искусстве это предопределило движение к символизму (Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, А. Скрябин, И. Стравинский, русский авангард в живописи), ориентированному на преодоление границ мировосприятия, привязанного к объекту в его непосредственной данности. Символизм позволял связать различные культурные эпохи, увидеть их «просвечивающими» одна в другой. Поэзии он придавал философскую глубину, для философии открывал новый интерес к метафизическим проблемам. Вейдле не только высоко ценил искусство и философию того времени, но и продолжил заложенные традиции в собственной интерпретации природы художественного творчества. Его большая работа «Умирание искусства» именно об этом. В ней он говорил о неадекватности и ограниченности секуляризированной культуры как о причине болезненной раздвоенности человеческого духа, о разобщенности людей, об утвердившемся господстве безликой массы, «многотонной толпы». В рассудочно разъятом мире, распавшемся, как на атомы, на миллионы чуждых друг другу существ, связанных только «интересами» или «идеями», искусство умирает как сфера свободного творчества, лишаясь того *воздуха*, благодаря которому в нем есть все то, что и делает его искусством — свойственным человеку художественным воспроизведением мира. Рассудок убивает эту способность человеческого восприятия мира, издревле свойственную ему в форме ощущения причастности к высшему разуму. От гибели его может спасти, считал Вейдле, только религиозное сознание как источник духовного прозрения, позволяющего почувствовать и понять мир в его первоизданной цельности и нетронутости. «Трагедия искусства, трагедия поэзии и поэта в XIX веке, в наше время, — писал Вейдле, — не может быть понята ни в плане эстетическом, ни в плане социальном; ее можно понять только в религиозном плане. Эстетический анализ покажет медленное, иссушающее, рассудочное разложение искусства; социальный — все растущую отчужденность художника среди людей; но только религиозное истолкование поможет нам усмотреть источник этой чуждости и этого распада»⁵. «Усмотрев» его, человечество встанет на путь духовного воскресения, а искусство обретет спасение. Другого пути нет.

Октябрь 1917 г. внес свои разрывы в опыт культурных отношений России и Европы. Об этом Вейдле с большой болью говорит в работах «Наследие России», «Традиционное и новое в русской литературе двадцатого века», «Цветаева — до Елабуги», «О последних стихах Мандельштама», «Умерла Ахматова». Культурный раскол произошел по совершенно новому, жесткому признаку — по идейно-политическому. Европа таких разрывов в культуре не знала. Самым серьезным для нее был тот, что отделил от Древнего мира западное

Средневековье, но даже и тогда преемственность в духовной жизни, пусть в малых областях, все-таки сохранялась. Французская революция тоже не обозначила в духовной жизни Франции столь решительного конца и нового начала, как это произошло в России после октября 1917 г. Отечественная культура раскололась на советскую и культуру русского зарубежья. Что оставалось общего между ними, творчество каких поэтов, литераторов, деятелей искусства соединяло их, какие традиции сохраняли их единство? Или русская культура, насильственно расколота, принадлежа теперь двум разным социально-политическим мирам, перестала существовать как одно целое? Вейдле дает оценку случившемуся расколу, обращаясь к литературе и поэзии.

С одной стороны, русское зарубежье, замечает он, не исчерпывало русскую литературу XX в., потому что «не все серебро “серебряного века” было вывезено в эмигрантских чемоданах, и не все вывезенное в них было серебром»⁶; с другой стороны, и в сталинские времена культура находила в себе силы на то, чтобы жить, сохраняя старые традиции. «Были сталинско-ленинские премии, был хлам, и с нашей стороны был хлам; но не было двух литератур, — убеждал Вейдле, — была одна русская литература двадцатого столетия»⁷. Ей принадлежат в равной степени находившиеся по разные стороны «железного занавеса» Набоков и Ахматова, Мережковский и Мандельштам, Ходасевич и Пастернак, вернувшаяся на родину Цветаева. Потому что сильней всех насильственных разъединений оказалась духовная преемственность, на которой держалась русская культура во все века своего существования. И оставшиеся в новой России, и уехавшие из нее хранили, как святыню, эту преемственность, чем и сохранили русскую культуру как единое целое — каждый своими, дозволенными их жизненными условиями и усилиями. Но сохранили. И в этом измерении рубеж, разделявший Россию и Европу после 1917 г. — и был, и не был.

Говоря об отношении Вейдле к проблематике «Россия — Европа» следует отдельно сказать о его оценке возникшего в эмигрантской среде в 20-х гг. евразийства, предложившего новый вектор в культурологической интерпретации проблемы. Евразийство ориентировало на поиски истоков русской духовности на географическом востоке, т.е. в Азии. Эта тема глубоко волновала Вейдле. Он не оспаривал в качестве возможности обращения к анализу проблемы «Россия — Европа» и в таком ракурсе. Но признавая, что такое исследование может дать новый материал для размышлений, подчеркивал его *условность при безусловности признания*: «Православие можно называть восточным христианством, но его нельзя называть христианством азиатским. Русскую культуру можно называть восточноевропейской, но она родилась и развилась в Европе, а не в Азии»⁸. Возражая евразийцам,

Вейдле убеждал, что особенности любой национальной культуры не связаны жестко с «месторазвитием» (базовое понятие евразийцев) и в подтверждение приводил пример с испанской культурой. Географически Испания ближе к африканскому материка, чем к Европе. Но дает ли это основание назвать Дон Кихота национальным героем ливийских кочевых племен, а Испанию исключить из европейского культурного пространства? Бесспорное влияние Востока в течение семи веков не помешало ей сформироваться как части Европы, а ее культуре как европейской культуре. И «если называть Евразией Россию, то, уж, конечно, с не меньшим правом можно назвать Испанию Еврафрикой»⁹. «Сервантес не мавр, и Пушкин не монгол», — завершает свой исторический экскурс Вейдле.

В евразийстве Вейдле увидел попытку, *не отвечающую задачам научно-осмысления* исторически складывавшихся и существующих культурных взаимоотношений России и Европы. Он увидел то, с чем никак не мог согласиться — желание быть *отделенными от Европы*. И чрезмерное расширение понятия Европы и чрезмерное его суживание, считал он, равносильно тому, чтобы «резать по живому». Европа не безгранична, но границ ее не может указать ни территория, ни раса, ни язык, ни какой-либо другой признак. И потому «изъятие» из нее России, пусть даже частичное, есть двойное насилие — над духовной жизнью, историей как России, так и Европы. И как завещание звучат сегодня слова Вейдле: «В этой неразрывности, в этом *отказе от разрыва* и состоит та основа духовной жизни, из которой выросло все то в нашем прошлом, о чем всего крепче мы, как и другие, чувствуем, что оно — наше»¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вейдле В.В. Россия и Запад // Вейдле В. Умирание искусства. — М., 2001. С. 149.

² Там же. С. 148.

³ Вейдле В.В. Границы Европы // Вейдле В. Умирание искусства. С. 120.

⁴ Вейдле В.В. Пушкин и Европа // Вейдле В. Умирание искусства. С. 125.

⁵ Вейдле В.В. Умирание искусства. Размышления о судьбе литературного и художественного творчества // Вейдле В.В. Умирание искусства. С. 40 — 41.

⁶ Вейдле В.В. Традиционное и новое в русской литературе двадцатого века // Вейдле В.В. Умирание искусства. С. 323.

⁷ Там же. С. 325.

⁸ Вейдле В.В. Россия и Запад. С. 144.

⁹ Вейдле В.В. Границы Европы. С. 120.

¹⁰ Вейдле В.В. Наследие России // Вейдле В.В. Умирание искусства. С. 306.

REFERENCES

Veidle V.V. The dying of art. Compilation and Epilogue by V.M. Tolmachov. Moscow, Respublica [Republic], 2001. 447 p. (in Russian).

Аннотация

В статье рассматривается проблема «Россия – Европа», как она ставилась в творчестве видного культуролога и историка отечественной культуры В.В. Вейдле в связи с его анализом ее европейских истоков. По мнению автора статьи, творческое наследие Вейдле, в центре которого стоит тема исторически складывавшегося и развивавшегося культурного единения России и Европы, созвучно сегодняшним социально-культурным и политическим проблемам. Исходной установкой обращения автора к этой теме является признание исключительного влияния духовной культуры (искусства, литературы, поэзии) на развитие социума.

Ключевые слова: Россия – Европа, культура, искусство, духовное наследие, национальная традиция, художественное творчество, Серебряный век, евразийство.

Summary

The article considers the problem of *Russia – Europe* as it was put in the work of prominent culture expert and historian of Russian culture V.V. Veidle in connection with analysis of its European origins. According to the author, the creative heritage of Veidle, in the center of which stands the historical theme of the emerging and developing cultural unity of Russia and Europe, in tune with today's socio-cultural and political issues. The initial setting of the author appeals to the subject is the recognition of the exceptional influence of spiritual culture (art, literature, poetry) on the development of society.

Keywords: Russia, Europe, arts and culture, spiritual heritage, national traditions, artistic creation, the Silver Age, Eurasianism.